

**Вера Петровна Желиховская
В Христову ночь**

Аннотация

«...– Мне не холодно! – неподвижно глядя на барыню, ответило дитя. – Но с кем ты пришла? Как ты здесь?... – Одна. – Из церкви верно? – С погосту... – А где ж ты живёшь? Близко? – Я не живу! – так же тихо и бесстрастно выговорила девочка. – Близко живёшь? – переспросила, не расслышав, Екатерина Алексеевна. – Я не живу! – повторила девочка явственней...»

Вера Петровна Желиховская

В Христову ночь

«Бог не есть Бог мёртвых, – но живых!»

Светло-Христово Воскресенье в том году, как и в нынешнем, было раннее. В северных наших губерниях ещё лежали глубокие снега; да и в средней полосе России, хотя и обнажились поля, и днём солнышко, пригревая, кое-где уже вызывало из сочной земли богатства, прикопленные ею за зиму, под пушистыми, белоснежными покрывалами, однако, пасхальная ночь была студёная. Последний осколочек луны светил в морозном, туманном кругу со светлого неба, по которому мерцали не частые, но блестящие звёзды. На пригорке, отовсюду видная, окружённая рощами, деревушками, полями, по которым стлались волокна серебристых испарений, ярко горела приходская, деревянная церковь.

Туда, часа уже три, народ валил со всех окрестностей; теперь не только паперть, но и весь погост светился в огоньках, зажжённых бабами-хозяйками, сторожившими свои куличики и крашеные яйца, в ожидании молебна и выхода батюшки со святой водой.

Им, по близости от церкви, за оградой, теперь уж не так было холодно; а давеча, как шли они, таща и пасхи на освящение, и своих детишек, кого за руки, а кого и на руках в сладком сне, – многие перемёрзли. Кое-где ещё, в овражках да в тени лесных опушек, белели застрявшие полосы снега; под сапогами, случалось, и ледок подскрипывал, а тут ещё и ветер, да такой-то, порою лютый, что до самых костей прохватывал и щёки, и носы молодежи да малым ребятам докрасна нащипал...

Ну, теперь, уж не долгонько ждать-то. Давно уж перехристосовались все в ярко пылавшей церкви. Обедня кончается... Сейчас дьячок со старостой, с учителем школьным, да с отставным унтером «Спаси Господи люди Твоя» зятанут, и выйдет причт со святой водой над пасхальной снedyю «Христос Воскресе» петь. В рядах хозяек движение; чаще засветились огоньки; каждая грошовая свечечка жёлтого воску теплится и славит Бога своим огоньком, сливаясь в великом море сиянья, разлитого над Русью в эту Великую ночь.

Две женщины, обе молодые, приютились за углом церкви в амбразуре окна, в виду погоста и кладбища с его лесом покосившихся чёрных и белых крестов, с несколькими памятниками и оградками вокруг «барских могил».

Женщины ведут беседу, пользуясь тем, что с их мест, всё равно, службы не видать. Маленькая девочка, положив головёнку к матери на колени, прикрывшись полушубком, долго глядела на красные яйца, разложенные вокруг миски с творожной пасхой, представляя себе, которым яичком она разговееется, а которым с братишкой «биться станет» и других, «мно-о-го» яиц себе набьёт, – да и вздремнула. А Митюха, мальчуган постарше, новые лаптишки оттоптал, бегая от церкви к мамке и обратно; он усердно утреню и обедню отстоял и обещался прибежать, перед тем, что батюшке выйти. Матери этих детей другая, бездетная бабёнка рассказывает, как она в кормилицах, «в городе жила», у одной из их соседок-помещиц девчонку кормила, и как эта девочка, – «царствие небесное её ангельской душеньке! – вот ровнёшенько год, об эту самую светлую ночь, померла» ...

– И такая-то печаль, такая-то ужась на матушку ейную, на Катерину Алексеевну, напали, – рассказывала бабёнка, – что не могла она ни на похоронах, ни на поминаниях бывать! Как запоют, этто, «Христос Воскресе из мёртвых и сущим во гробех живот даровал» – она вскрикнет и хлоп на пол, где стоит... Такая-то беда, да страх с нею нам был!.. Уж не знаю, как её ныне Бог милует, а в прошлую Пасху она так и не смогла ни одной службы отстоять... И с чего, кажись бы, этим словам ужасаться?.. Самые такие утешительные слова. А она – всё ничего, а как доходит до этого – силушки её не хватает!.. «Не могу, – сказывала, – я этого слушать! Зачем для всего света Он «смертью смерть поправ» и Лазаря воскресил, и всему миру жизнь даровал, – а мне не захотел моей дочки сохранить? Отнял-де, у меня мово ребёночка! Не услышал ни слёз моих, ни молений!».

– Ишь! Грех какой! – рассуждала слушавшая. – Разве ж можно Господу Богу указывать?.. Его святая воля!

– Да уж ей это все – и матушка ейная, Анна Владимировна, и сестрица, барышня Лизавета Алексевна, и супруг ихний – хороший барин такой, добрый... Тоже крепко по дочери убивался, но до такого греха себя не допускал; даже нянюшка Настасья Артемьевна, все часто говаривали и на ум наставляли – но ничегошеньки поделатъ не смогли!.. Так я от них пред Вознесением пред самым уезжала, и ни единого разочку Катерина Алексеевна ни у одной службы не побывала.

– Ожесточение! – решила её слушательница. – Да что у ней ещё детки-то есть?

– Да в том-то и причина, что нету их!.. Были двое ещё сынков, старшеньких, – оба померли. Один уже годков пяти, никак, был... Что ли не помнишь, за прошлым летом бегал тут с отца Мефодия ребятёнками?..

– Да, да, да!.. Поди, ведь! Кому что от Бога: у бар не живут детки; а как при нашей бедноте, вон у Пахомкиной Анисьи, – что ни год в избе новый горлодёр орёт. И все живы! Все есть просят!.. Научить разве её подкинуть, как приедут они в свою усадьбу?.. Приедут об это лето, что ль?

– Приедут! Должно приедут... Завсегда, ведь, бывало к Пасхе приезжали...

Никак отец Мефодий вышел?

Бабёнка встала заглянуть, что делается в церкви, и в ту же минуту Митька подошёл со словами:

– Идёт батюшка куличи святить, идёт!

– Марфушка! Вставай! Поп идёт!.. – толкнула мать спавшую девочку, и всё встрепенулось, всё оживо.

Священник с крестом, кадильницей и кропилом обходил, славя Воскресение Христово и кропя во все стороны.

Заря занималась. Огненная полоска с востока окрашивала выяснявшиеся облака: четвертушка луны тускнела и становилась прозрачней, а на земле всё отчётливей выступали цвета и предметы, принимая свою натуральную окраску, выделяясь яснее из белесоватых туманов холодной ночи. В промежутках пения и возгласов: «Христос Воскресе!.. Воистину Воскресе!» – слышалось другое, неумолчное, звонкое пение: по всей окрестности заливались горластые петухи, по-своему прославляя наступавшее светлое утро.

Народ расходился. Все поля вокруг погоста светились огненными точками; каждому хотелось донести Христов огонёк из церкви до дому.

– Мамка! А мамка!.. А я свою свечку лучше Машутке на могилку снесу! – предложил Митюха. – Я живо тебя догоню.

– И меня возьми, Митька! И я к Машутке хочу! – взмолилась девочка.

– Ну-ну! Только не валандайтесь! Поскорее... «На, вот, Марфуша, снеси ей яичко красное: зарой под крестиком», – сказала мать, собирая пожитки.

Недалеко отошли они от ограды, как уж дети догнали их, побывав на могилке сестры, прошлой осенью умершей, пятилетней Машутки.

– Я ей яичко под самый крестик закопала!

– А я свечечку в ногах, на камушке, прикрепил, – рассказывали дети.

– Мамка! Достанет она?.. А?.. Поиграет яичком-то? – допытывалась Марфуша.

– Как Бог, Отец Небесный ей позволит! – отвечала мать. – Она тихое дитё была! Божие!.. По пятому-то годочку, как молитвы знала! Отче, Богородицу, Троицу – всю без запиночки говорила... Ежели угодны Творцу Милосердному чистые детские душеньки, наша Машутка беспрерывно в ангельчиках у Него состоит! – вздохнула она и, обернувшись, высвободила руку и ещё раз покрестилась на церковь и на могилку дочери.

– Оттого, может, у неё, у Машутки нашей, вся могилка травкой зелёной-презелёной покрыта! – предположил Митя.

– Да! Всех зеленей! – вскричала девочка.

– А у креста, по правую руку, подснеговичек уж расцветает! – прибавил её братишка. – Что белая звёздочка распустился, такой красивый цветик!.. Мы его не тронули.

– Ну, как можно трогать, покойничков обижать!.. «С могил никому нельзя цветов обрывать», – сказала мать и прибавила. – Беги вперёд, Митюша! Скажи бабке, чтобы на стол сбирала: как приду, так разговляться станем.

Вёрст за сотню от этой деревенской церкви, эту самую пасхальную ночь одна коротала Катерина Алексеевна Арданина, поджидая своих от обедни. Катерина Алексеевна была та самая молодая женщина, о которой рассказывала своей соседке бывшая кормилица её умершей дочери. Она с матерью и сестрой выехали в деревню, по обыкновению своему, перед Пасхой; они всегда, не дожидаясь распутицы, с последним санным путём оставляли Петербург, чтобы дышать деревенской, здоровой весной, вместо сырых и гнилых испарений; муж же её, связанный службой, приезжал позже. Но на этот раз они плохо рассчитали время: ранняя оттепель так испортила грунтовые дороги, по которым приходилось ехать вёрст семьдесят, так быстро распустила реки, что пришлось против воли пережить в большом уездном городе дольше, чем предполагалось по обычному маршруту. Несколько дней в этом с детства знакомом им городе Арданина с семейством, всегда проездом, жила у родной своей тётки, генеральши Мауриной, – особы, пользовавшейся широкой известностью во всей губернии и далее её как по своей благотворительности, так и по гостеприимству.

Дом Мауриных десятки лет стоял полною чашей на главной улице родного города, ещё издали привлекая внимание и величиной своей, и прекрасным садом, его окружавшим. В прежние годы привлекал он также и оживлением своим, вечной весёлостью своих многочисленных обитателей; но в последнее время старушка хозяйка его уgomонилась, и он редко блистал светом окон в обоих этажах своего нарядного фасада.

В эту холодную весеннюю ночь, однако, дом ярко был освещён с парадного подъезда: по случаю приезда гостей, сестры и двух племянниц, Александра Владимировна Маурина приготовила парадные разговоры. От обедни к ней ждали многих приглашённых; в верхнем этаже, в парадных покоях, накрыт был богатый стол, отягчённый бабами и всякими яствами; но нижний этаж, отданный в распоряжение Анны Владимировны и дочерей её, пока был тёмный и тих...

Тихо-то в доме всюду было; даже прислуга и та вся почти ушла по церквам встречать Светлый праздник, кто молитвой, а кто и болтовнёй да пересудами над охраняемыми куличами. Во всём доме оставались один лакей в передней, старая экономка, да горничная приезжих, специально оставленная ради услуг Екатерине Алексеевне, упорно не желавшей идти к утрени. Арданина, едва оставшись одна, поспешила разрешить этой женщине идти, куда угодно, – наверх ли болтать с экономкой, или совсем из дому. Ей это было совершенно безразлично, лишь бы её никто не тревожил в эту тяжкую для неё ночь. Прощаясь с матерью, она постаралась её успокоить своим наружным спокойствием; она прикинулась хладнокровной, усталой, уверила всех, что тотчас же ляжет спать, а к их возвращению из церкви встанет, выспавшись, бодрая и готовая разговляться с аппетитом...

Она и в самом деле готова была так сделать, да как-то не пришлось! Что за толк ложиться в постель чувствуя, что не заснёшь? Сна не было и в помине у молодой женщины, мучимой воспоминаниями, бурными чувствами, тревожными вопросами... Екатерина Алексеевна ходила по комнатам нижнего этажа долго, до усталости.

Сначала она прислушивалась к шуму на улицах, к радостной праздничной суете, долетавшей извне, к быстрым шагам спешивших в храмы, к стуку экипажей, изредка гремевших всё в одном направлении, к собору, куда поехали и её домашние. Собор стоял довольно далеко, над рекою; Арданиной он был хорошо знаком, она могла представить себе ясно всех, кто там был теперь, всё, что в нём происходило. Она и представляла, не намеренно, а невольно представляла, обращая мыслью к матери, к близким своим, весь свет, всё ликование, которое готовилось и там, и в десятках других церквей вокруг неё, – в богатых и бедных храмах по всей земле русской, в сотнях тысяч христианских собраний по всему лицу мира, в эту торжественную, светлую ночь.

Да! Она была светла и радостна для многих, – но не для неё! Не для таких, как она, – Богом отверженных! Отверженных?.. За что?.. Она ль не была верующей?.. Она ль, как сказано в Писании, с детской верой в милость Божию, не обращалась к Нему, как к любящему, милостивому, всемогущему Отцу, твёрдо убеждённая, что Он заранее знает, что ей нужно, о чём она молит, и не подаст ей камня вместо хлеба, скорпия – вместо яйца!.. О чём она молила Бога? Не о чуде из ряда вон! Она молила Бога лишь сотворить для неё то, что Он, – без мольбы, – зауряд творит для многих, для всех: сохранить её дитя, её дорогую, страдавшую, болевшую крошку, – единственное утешение её, единственную надежду!.. Вот, ровно год. Точно так же всё вокруг неё ликовало. Большой город весь в свете и радостном настроении готовился встретить великий праздник Воскресения. Вот так же стояла она у окна и прислушивалась к первому, торжественному удару колокола в Исаакиевском соборе, как сейчас слышала первый соборный звон, возвестивший и здесь начало воскресного служения окрестным церквам. Только там он был несравненно громче, величественней и торжественней! Как гром Божьего слова, как истинный благовест во спасение и в жизнь, и в ликование исполнившегося обетования: «Просите и дастся вам!» – отдался он в её сердце, переполненном верой, надеждой, любовью!.. Над столицей вспыхнул отблеск мгновенно осветившихся храмов; разнёсся радостный гул трезвона, спеха, весёлой суеты. А в их доме была тишина, царила скорбь болезни и печали; но она не верила их продолжительности!

Она себя настроила на уверенность в милости Божией: в её сердце также горел свет веры, радость упования «на несомненную, верную» помощь воскресшего Христа... Она упала на колени пред киотом, горевшим в ярком свете лампы; она поверглась ниц перед изображением «воскресшего и всё воскресившего» и молилась Ему: «Боже! Милостив буди мне, грешной! Боже! Ты взял у меня сыновей моих! Ты дал мне великую скорбь жизненной с ними разлуки! Боже, верую, что есть жизнь вечная, воскресение из мёртвых в будущей жизни... Но Ты, Богочеловек, знающий скорби людские! Ты, воскресивший Лазаря, воскресивший дочь Иаира, воскресивший единого сына молившей Тебя матери, Господи, яви и мне Твоё милосердие! Воскреси и мою болящую дочь!.. В этот великий час Твоего возвращения к жизни, – возврати и ей, и мне вместе с нею – жизнь, здоровье, счастье!.. О, Боже, Христос всемилостивый и всемогущий! Знаю, что Ты слышишь меня! Знаю, что видишь и скорбь мою, и на Тебя Единого уповаю! Знаю, что поможешь дочери моей, спасёшь её, оживишь!..»

И с этими последними словами, слыша, что кто-то идёт, она встала, отёрла слёзы, готовясь идти к болевшей малютке, готовясь увидеть её спокойно спящей, готовясь сейчас благодарить Бога за её выздоровление и... на пороге увидела свою мать...

Старушка, вся в слезах, протягивала ей руки, она услышала печальный голос её:

– Не ходи туда, милая! Лучше здесь, вместе, помолимся о нашем ангеле, отлетевшем от нас в жизнь вечную.

Она сначала не поняла, не хотела, не могла понять матери! В жизнь вечную?.. Какое дело им до той, вечной жизни, когда её девочка должна ожить к жизни земной!

– Она не может ожить! Она умерла! – повторяли ей...

И точно: дочь её умерла, в те самые минуты, как она так свято веровала, что она выздоровеет... Что ж это значит?.. Зачем же этот обман?.. «По вере вашей дастся вам» «Толпыте – и отверзется» ...

Обрывки мыслей бушевали в её мозгу, негодующие бурные сомнения терзали её с такой неулегающей силой, что она думала, что не выдержит, заболеет. Она желала болезни, забвения! Но они не дались ей... Она не заболела телом к облегчению своих нравственных страданий, нет! Вот год, что она болела ими и не находила ответов на жгучие сомнения, на скорбные вопросы: надо ли верить? Надо ли надеяться? Надо ли ждать разрешения печалей, воздаяния за терпение, за упование, наперекор рассудку?.. Она считала теперь упование и надежду – добродетелями, противоречащими здравому смыслу... Она не могла с тех пор молиться, – не могла без внутреннего содрогания видеть икон, освещённых лампадой, слышать служения в храмах церковного пения... Они возмущали её, казались лицемерием, ложью. Прежнюю свою спокойную, светлую веру она считала обманом чувств, увлечениями восторженного легковерия... Верить! Слепо верить, когда всё вокруг человека так беспощадно, так очевидно опровергает все иллюзии людские, так убивает всякую возможность надежды и веры!.. Ребёнок малый и тот видит всю нелепость человеческих самообольщений.

Катерина Алексеевна устала ходить по сумрачным, еле освещённым комнатам. Она подошла к стеклянной двери на балконе, посмотрела на палисадник, отделявший дом от улицы, и опустилась в мягкое кресло...

За стеной пробило два часа.

«Уж поздно ложиться! Дождусь их!» – подумала она.

Задумчиво стала она всматриваться в светлую ночь за окнами. Рамы уже были вынуты; балконная дверь отворялась свободно. За нею безлистные деревья ясно вырезались на чистом небе, освещённом луной в последней четверти и мигавшими там и сям звёздами. Палисадник выходил не на главную улицу, – та шла с боку, вдоль подъезда и большого сада, а здесь проходил пустынный переулок, на котором и днём мало было движения. Арданина приложила руку к голове, – она у неё с утра болела...

«Пройтись разве?.. Может, полегчает на свежем воздухе?» – подумала она и встала, чтобы надеть тёплую шаль.

За дверью балкона, совсем близко, ей блеснул огонёк.

«Неужели уж возвращаются из церкви? – мелькнул ей вопрос. – Кажется ещё рано?.. А, впрочем, тем и лучше, скорее спать ляжем!»

Она оделась, толкнула дверь и вышла на крыльцо. Её охватил холодный воздух, запах прелых листьев и свежей земли, только что очищенной от снега, только что посыпанной песком и толчёным кирпичом по дорожке, огибавшей весь дом из палисадника в сад, во двор и к подъезду. Арданина сошла на неё и стала быстро ходить вдоль этой стороны дома, между пустыми клумбами и подстриженной сиренью, маскировавшей забор. Она хотела ходьбой заставить себя успокоиться, не думать, забиться; но мысли не слушались, всё возвращались к тому же, и горькие чувства не хотели ей дать покоя. Болезненно сжималось, под влиянием их, сердце, а голову ей, будто, сжимал огненный обруч.

Звон, весёлый звон стоял над городом и раздражал ей нервы.

«Чего трезвонят? Чего радуются?.. – думалось ей и презрительно сжимались губы её в скептическую улыбку. – Сами себя тешат, как малые дети, будущей радостью... Нет-де, ныне, счастья, – будет потом!.. Придёт и для нас сиротливых, беспомощных, счастье!.. Воздастся-де всем по заслугам: будем же страдать и терпеть молчаливо, радостно славя Бога, в чаянии благ воскресения и жизни будущего века... «Блажен, кто верует, – тепло тому на свете!..» «– вздохнула она. Вот поют они теперь и повторяют, в радостном самозабвении: «Христос воскрес из мёртвых, смертью смертью поправ и сущим во гробех живот даровав!» – ярко представилось ей церковное служение.

Катерина Алексеевна в порыве чувств остановилась даже и громко прошептала сама себе торжественную песнь, которой всё христианское человечество славит животворящее Воскресение Господне...

Ей снова мелькнул огонёк за палисадником ограды.

«Что там за огонь? Кто это стоит за решёткой с зажжённой свечей?..

Сколько времени мелькает. Надо взглянуть», – решила она.

И подошла к решётчатой калитке.

Оттуда, из пустынного переулка, к ней протянулась маленькая, худенькая, детская ручка, со свечечкой из жёлтого воска.

– Христос Воскрес! – тихо вымолвил ребячий голосок.

Арданина отступила от этой неожиданности.

– Кто это? – спросила она и посмотрела за калитку.

За ней стояла маленькая девочка, прислонившись к столбу, просунув руку между зелёными палками решётки.

– Господи! Как ты сюда попала, девочка?.. Крошечная такая! И так легко одета!.. Не прикрыта почти что!.. Тебе не холодно?

– Не холодно! – отвечал ребёнок и опять подавал ей свечу. – Христос Воскрес, барыня!..

– Воистину Воскрес, детка! – машинально отвечала она и взяла из крошечной, холодной ручонки догоравшую свечу. – А это что!..

Вместе с жёлтой свечечкой в руке Катерины Алексеевны оказалась зелёная, нежная веточка, с белой звездочкой цветка.

— Откуда у тебя такой цветочек, милая?.. Спасибо... погоди и я тебе яичко дамъ.

– Откуда у тебя такой цветочек, милая?.. Спасибо!.. погоди и я тебе яичко дам. Подожди меня, миленькая.

Быстро вошла в дом Катерина Алексеевна, машинально задула свечу, веточку опустила в стакан воды, стоявший на её ночном столике, и взяв в ящике его, из приготовленных там хорошеньких яиц для христосования со знакомыми детьми розовое мраморное яичко, поспешно возвратилась с ним к садовой калитке.

– Вот тебе, девочка, розовое яичко. Завтра будешь им играть! А теперь иди скорей домой, милая! Боже мой, как тебе должно быть холодно!.. Ты в одной рубашончке и босая!.. Как это тебя мать так пустила?

Девочка взяла яичко, не глядя, сжала его в руке и вздохнула.

– Тебе холодно? Хочешь я тебе дам платочек? – спросила Арданина, удивляясь, что в такую холодную погоду, такого маленького ребёнка, почти неприкрытого одеждой, ночью одного пустили на улицу.

– Мне не холодно! – неподвижно глядя на барыню, ответило дитя.

– Но с кем ты пришла? Как ты здесь?..

– Одна.

– Из церкви верно?

– С погосту...

– А где ж ты живёшь? Близко?

– Я не живу! – так же тихо и бесстрастно выговорила девочка.

– Близко живёшь? – переспросила, не расслышав, Екатерина Алексеевна.

– Я не живу! – повторила девочка явственней.

Арданина посмотрела на неё внимательно, жалостливо подумав: «Неужели бедняжка идиотка?»

– Иди скорее домой! – сказала она. – Где твой дом?

– У меня нет дома...

– Как?.. Так где же ты живёшь?

– Я не живу! Я лежу, – явственно сказала дитя.

– Лежишь?.. Как лежишь? Отчего?

– Я лежу на погосте... На кладбище!

– Господи помилуй!.. – Арданина отступила, чувствуя, что холодеет. – Ты живёшь на кладбище? Твой отец верно сторож?

– Нет, я не живу! Я лежу там! – упорно повторяла девочка.

– Зачем же ты... лежишь?.. Разве ты больная?

– Нет... Я не больная. Прежде была больная, когда здесь жила... Теперь я умерла и... лежу!

«Сумасшедшая!» – в ужасе решила Арданина. Но всё же, руководимая различными чувствами и любопытства, и страха, и жалости, продолжала говорить:

– И долго ты здесь хочешь стоять?.. Войди в комнату! Ты замёрзнешь.

Девочка покачала белокурой, гладко расчёсанной головкой.

«– Я скоро уйду», – сказала она.

– И куда же ты пойдёшь?

– На кладбище!

– Что ж ты там будешь делать?

– Лежать! – было ясным и бесстрастным ответом.

Невозможно было сбить ребёнка с этих ответов. Арданина в сильном волнении, почти в испуге, начала ей доказывать.

– Зачем же ты будешь лежать на кладбище? На кладбище лежат мёртвые, а ты живая...

– Я не живая... Я мёртвая! – заявила тотчас девочка.

– Да какая же ты мёртвая, девочка, Бог с тобой!.. Мёртвые не ходят, не говорят, не едят! – убеждала Арданина.

– Я не ем! – покачала головой её странная собеседница.
– Да! Но можешь есть!.. Вот же ходишь и говоришь. Как же ты можешь разговаривать, если ты мёртвая?
– Я не могу! – прошептал ребёнок. – Я здесь не могу, если мне не велят...
– Велят?.. Кто же тебе велит? Здесь не можешь?.. А где же можешь? – бессознательно повторяла Арданина.
– Не здесь... Там могу! – неопределённо отвечала девочка.
Но Екатерина Алексеевна, убеждённая, что имеет дело с маленькой юродивой, уже не слушала её, думая свои горькие думы.

«Вот, – думалось ей, – также «справедливость», – «высший разум»! У несчастных бедняков живут помешанные дети, идиоты от рождения, а моя девочка – молёная, желанная – умерла!»

Тяжкая горечь подымалась со дна её наболевшей души.

Девочка всё стояла неподвижно за сквозной калиткой. Занимался рассвет; движение на улицах усиливалось: народ возвращался из церквей...

«Надо попросить кого-нибудь из тётушкиных людей проводить бедняжку до дому! – подумала Арданина. – Её, верно, кто-нибудь знает».

За углом послышались шаги. Оттуда вышел высокий, пожилой человек, в чистой холщовой рубаше, с окладистой седой бородой, красиво расчёсанной лопастью. Он шёл прямо, мерно и остановился лишь у самой калитки. Екатерине Алексеевне показалось, что она знала этого красивого старика... В том ничего не могло быть удивительного! Она так много старожиллов знала в этом перепутном для них городе.

Он поклонился и сказал так же, как и девочка:

– Христос Воскресе, барыня!

– Воистину Воскресе! – и ему ответила она и сказала, указывая на девочку, – не знаете ли вы, чей это ребёнок?

Человек посмотрел и сказал:

– Знаю. Это из нашей деревни, старостики Марфы дочь.

– Ах! Как я рада. Так не возьмётся ли вы её довести до дому её, до матери?.. А то бедняжка попала сюда как-то одна, верно из церкви забрела... А ведь, она, кажется, юродивая! – тихо сообщила Арданина.

– Божие дитя! – выговорил старик.

– Да вы послушайте, что она про себя рассказывает.

И, обратившись к ребёнку, Арданина снова задала ей вопросы:

– Девочка! Откуда ты?

– С погосту, с кладбища, – повторил тотчас ребёнок.

– Что ты там делаешь?

– Лежу.

– Ты живая?

– Нет... Я мёртвая!

Но тут прохожий старик прервал ребёнка:

– Не дело, дитятко, сказываешь! Разве у Бога есть мёртвые?

– У Бога нет! На земле есть! – без запинки отвечала девочка.

– Ну, так и пойдём к Богу, Машутка! – предложил старик и взял её на руки.

Ребёнок радостно прильнул к его плечу. Прохожий поклонился низко и сказал:

– Прощайте, сударыня! Помяните в молитвах Мануила Геронтьева и младенца Марию.

И мерным шагом старик пошёл с ребёнком на руках и скрылся за поворотом переулочка.

В ту же минуту стук экипажа раздался у подъезда, дом осветился, и горничная появилась на крыльце.

– Пожалуйте, Катерина Алексеевна, разгавливаться!.. Маменька, тётушка от обедни приехали!.. А уж я испужалась: искала вас, искала!.. А вы вот где!

Арданина машинально, вся под влиянием изумления и ещё какого-то чувства, жуткого чувства, сути которого она не могла бы определить, пошла в дом. Она вошла к себе в спальню, чтобы оправиться, а сама всё думала, какой странный старик сейчас говорил с ней?!. «Девочка эта... Ну, девочка юрдивая; но старик, – не страннее ли ещё он, чем этот ребёнок?.. И где она знала его?..»

– Сударыня! Пожалуйте, коли не почиваете! Маменька сами хотели вас проведать, да тётенька не пустили: послали меня! – раздался в дверях голос старой экономки, бывшей крепостной их деда и бабушки. – Христос Воскресе, сударыня!

Екатерина Алексеевна вздрогнула: и она?.. В третий раз в эту ночь она слышала это приветствие... И в третий раз, разумеется, она должна была ответить: «Воистину Воскресе!» и похристосоваться со старушкой, когда-то нянчившей её на руках...

Вдруг её осенило соображение, и она спросила:

– Скажите, Марина Яковлевна, вы знаете старика Мануила Геронтьева?

– Нашего-то бывшего управляющего? Как же, сударыня. Да я думаю, что и вы его помните... В деревне, куда вы ехать изволите, двадцать лет правил. У дедушки вашего правой рукой состоял. Обстоятельный, честный человек был!.. Маменька ваша, бывало, ещё всё его бородачом называли, потому редкостная у него борода была!

– Ах, то-то же я его узнала!.. Я сейчас была в палисаднике, – голова у меня болела, так я пройти вышла, – а он мимо в переулок шёл и мне поклонился.

– Это... кто такой? – переспросила ключница.

– Да Мануил Геронтьев...

Ключница отступила в испуге.

– Сударыня! Никак этого быть не может!

– Почему?.. Я его видела. Я говорила с ним!

– С нами крестная сила!.. – перекрестилась Марина Яковлевна, – да, ведь, Мануил Геронтьев вот уж скоро двадцать лет, как помер! Ведь, вам и десяти годков, почитай, не было, когда он, в скорости после дедушки вашего, скончался.

Катерина Алексеевна в обморок не упала. Она только страшно побледнела и опустилась в кресло, так как у неё подкосились ноги. Она, однако, заставила себя сказать:

– А!.. Ну, так я, разумеется, ошиблась!.. Скажите маме, что я сейчас... Сейчас приду. Дуня! Дай, пожалуйста, одеколон.

Она подняла глаза на столик, ища склянки с одеколоном, и снова вздрогнула, увидав белый цветок в стакане и рядом с ним свечку жёлтого воска.

Вот! Значит не бредила она! Не сон всё это!.. Господи праведный! Господи всемогущий! Кого же это она видела?.. Кто же они?..

Екатерина Алексеевна встала, будто приподнятая посторонней силой: между стаканом с белой звёздочкой подснежника и жёлтенькой изогнутой свечечкой она увидела... яичко розового мрамора!.. То самое яичко, которое она отдала девочке, которое девочка унесла с собою...

Так как же здесь оно?.. Кто и когда его сюда положил?!

*

Рука Екатерины Алексеевны Арданиной, не творившая крестного знамения ровно год, со дня смерти её дочери, сама собою поднялась и осенила её крестом.

«Помяните в молитвах Мануила Геронтьева и младенца Марию», – вспомнилось ей.

И ещё раз она, сознательно, перекрестилась.

С этой Христовой, пасхальной ночи она вновь обрела силу и способность молиться и надеяться, и никогда не забывала на молитве помянуть завещанные на веки памяти её имена.